

«Золушка»

маленькой женщине большую тонкость и интуицию. Правда, при всей интуиции был у нее один недостаток. Яня совсем не умела готовить и всю жизнь впадала в панику при одной мысли о яичнице. Зато в доме всегда было идеально чисто, уютно, изычно. Изобрести китайский торшер, связать модную сумочку — это делалось в два счета. Со времен кокетки Кики из «Горячих денечков» Яня была в Ленинграде законодательницей мод.

То ли Золушка, то ли фея. Она была добрая-добрая. Всегда подбирала бездомных собак и кошек. Когда стала знаменитой и к ней повадились из других городов сбегать девочки и мальчики, мечтавшие стать артистами, селила их у себя, пока не разыщут родителей. Она собирала гостей, а в кармане всегда оставалась «дырка» — ни дачи, ни счета в сберкассе. Но в то же время она не была совсем уж «простая-простая». В доме всегда обеды по-английски. Каждое блюдо с кухни несли по звонку колокольчика. Яню никто никогда не видел неприбранной: встав раньше всех, она успевала сразу принять ванну и «сделать себе лицо». Даже дома ходила в туфлях на каблучках, а по образцу ее легких халатиков можно было шить парадные платья. И дети, входя в ее комнату, должны были делать книксен. И звали ее на «вы».

Яня много снималась — «Песня о счастье», «Подруги», «Разбудите Леночку», «Леночка и виноград», «Доктор Калюжный». Выйти на улицу становилось все затруднительнее — от подъезда до прилавка магазина ее сопровождала толпа поклонников. Евгений Шварц и Николай Олейников сочинили целую кантату:

«От Нью-Йорка и до Клина
на сердцах у всех клеймо
под названием Янина
Болеславовна Жеймо».

Яне особенно нравилось упоминание Нью-Йорка. Она очень любила голливудские фильмы с Джеймсом Стюартом, Кларком Гейблом, Спенсером Треси.

Между тем в конце 30-х родился сын, названный Юлием в честь друга дома Юлия Райзмана. А в начале 40-х Хейфиц уехал снимать фильм про монгольскую революцию — «Его зовут Сухе-Батор». Потом началась война.

Детей, слава Богу, удалось сразу эвакуировать в Алма-Ату. Сама Яня на крыше ленинградского дома гасила «зажигалки». Когда разбомбили пару окрестных улиц, распорядилась, чтобы все разбомбленные кинематографисты быстро перебрались жить к ней. Однажды ее пригласили в летнюю часть выступить на концерте. Яня этого не любила, но согласилась и вдруг неожиданно-негаданно, в самый разгар блокады, оказалась обладательницей сказочного подарка — огромного кремowego торта. Бережно привезла подарок домой, поставила на еще не со-

жженный стол из карельской березы, пошла на кухню вместе со всеми варить чай «Белая роза» (то есть кипяток без всего). Печку топили библиотекой. Послышалось несколько взрывов и звон разбившихся окон. Когда вся компания вернулась в столовую, торт сверху донизу был начинен осколками битого стекла. Его выбросили, конечно, и... рассмеялись. Смех удлиняет жизнь.

Яня, обычно отдававшая свой блокадный хлеб знакомым маленьким детям, сделала ставку на «Беломор»: «Были бы папиросы, остальное приложится». Когда все же вы-
бралась из блокады, была похожа на приви-

дение. А в Алма-Ате ее уже никто не ждал. Дело в том, что туда поступили сведения, будто Жеймо погибла. Немцы бомбили поезд, в котором она выбиралась, и никто не знал, что она ухитрилась отстать от поезда. И хотя Хейфиц сразу пришел к ней в гостиницу, вдруг стала очевидна срочная необходимость развода. Слишком много свалилось на Золушку в 41-м и 42-м годах. Терпеть неприятности от малознакомых людей все же требовало воспитание. С близкими это уже совсем не получалось.

Какое-то время Яня была неспособна работать. Приходила в себя. Прийти в себя помогал один из блокадных друзей, Леон Жанно, — поляк, режиссер, красавец. Ходил за ней по пятам. Даже фамилии их были в рифму. В конце войны Жеймо и Жанно поженились.

1950 год. С Леоном и Юлием

Тут-то и появилась «Золушка». И вдруг оказалось, что чем больше в жизни переживаний, тем легче играет сказка. Она и сказка-то потому, что представляет собой одно-единственное переживание, и все, и конец. А любой конец — он сам по себе счастливый. Другое дело, что это очень трудно понять. Но если уже понятно, то все остальное легко.

А жизнь, конечно, не сказка, и она после «Золушки» продолжалась еще много лет. В период малолетности Яня с детьми и мужем перебралась в Москву, в Москве несколько лет работала на дубляже. Говорила и за китайских старух, и за парижских девчонок, и за Джину Лоллобриджиду. В 1957 году переехала жить в родной город мужа — Варшаву. Снова, как в детстве, выучилась говорить по-польски, обзавелась новыми друзьями. Самым верным и преданным другом стал знаменитый историк кино Ежи Теплиц. Позже и Яня написала свою историю: в кафе, на салфетках, как Хемингуэй, она вспоминала все

самое смешное, что в ее жизни случилось. В мемуарах Жеймо ни о ком не сказано ни одного дурного слова.

Между тем в Москве у младшей Яни родилась дочка — Яня-третья (теперь есть и Яня-четвертая). В Варшаве у Юлия родились двое сыновей. В чем-то пророчество сказочного короля все же сбылось. Седая подтянутая старушка в брючках и на каблучках гуляла с внуками и собаками. В 1987 году она умерла от третьего инфаркта. О ней тоже никто не сказал ни одного дурного слова.

Эка Моурави

Проба к неосуществленному фильму

Середина 30-х. С дочкой Яней

1978 год. С внуком Петром